

Записки сиротки

Автор:

Лидия Чарская

Записки сиротки

Лидия Алексеевна Чарская

«Записки сиротки» – пронзительная и светлая повесть о судьбе и переживаниях девочки, которая осталась сиротой и попала в бродячий цирк. Но все закончится хорошо: злодеи будут наказаны и прощены, а юная героиня найдет своих родственников!

Лидия Алексеевна Чарская

Записки сиротки

ЧАСТЬ I

Глава первая

СИРОТКА КАТЯ

Я помню маленькую светлую комнату, всю залитую лучами весеннего солнышка. Высокая, полная женщина укладывает меня в кроватку и, глядя мою белокурую головку, шепчет сквозь слезы:

– Бедная, бедная моя сиротка!

Эта полная женщина с добрым лицом – моя няня... Она так ласково смотрит на меня.

– Покойной ночи, нянюшка, – говорю я, протягивая к ней руки, и она целует меня и крестит.

Я знаю, что няня любит меня теперь еще больше, гораздо больше прежнего, с тех пор как умерла моя милая, дорогая мамочка...

Я до сих пор не могу свыкнуться с мыслью, что ее уже нет с нами. Я горько плакала, когда она умерла, но няня остановила меня словами:

– Мамочка у боженьки. Катя, но она видит твои слезы и ей больно за тебя; лучше обещай ей быть хорошей, милой девочкой, чтобы она могла радоваться на тебя, и молись за нее почаще.

Я постаралась исполнить желание няни и каждое утро и вечер горячо молилась за мою дорогую далекую мамочку.

А как мне хорошо жилось с нею!

Мы жили – мама, няня, я и старый, ленивый кот Мишка – в нашей маленькой квартирке. Мама целый день проводила на службе, няня возилась на кухне, а я с Мишкой сидела на широком подоконнике гостиной, играя с моей куклой Лили или читая книжку. С четырех часов дня я уже начинала поджидать маму со службы. Она приходила всегда к пяти часам усталая, но довольная тем, что видит свою маленькую Катю...

В ту же минуту няня приносила миску с супом, и мы садились обедать. После обеда мама читала мне книжку или показывала картинки в большой толстой книге. Чаще всего рассказывала сказки, до которых я была большая охотница. Вечером, когда мои глаза начинали слипаться от сна, мама отводила меня в маленькую детскую, оклеенную розовенькими обоями, собственноручно раздевала и укладывала меня спать. Потом садилась на краю моей постельки и, перекрестив несколько раз подряд, долго еще гладила по головке, пока сон

окончательно не охватывал меня.

Я ужасно любила, когда она клала мне на лоб свою мягкую, теплую руку, и я засыпала тогда довольная и счастливая тем, что она сидит около.

А по праздникам, когда мама не уходила на службу, мы целый день были неразлучны... Утром ходили в церковь, а после завтрака долго гуляли, если была хорошая погода; в дурную же сидели у окна с работой в руках и вели нескончаемые разговоры.

И вот – все это кончилось... Всю зиму мама кашляла и еле-еле держалась на ногах. Весною она не вставала уже с постели. В ее комнате пахло лекарствами... Ходил старичок-доктор с большими очками на носу, и все говорили шепотом.

Три дня тому назад няня отвела меня к маме проститься.

Я с трудом влезла на высокую мамину постель и спросила ее, зачем она уезжает и куда? Мамочка была очень слаба и худа... Она взяла мою руку и сказала, что она не будет жить с нами, а уйдет на небо к боженьке, откуда будет видеть меня.

– Ты будешь умницей, Катя, – тихо проговорила она, – ты не захочешь огорчить твою маму?

– Нет, нет, – воскликнула я, – я буду умницей, только не уходи от меня на небо... останься с нами!

Я начала так горько плакать, что меня увели из комнаты.

На другой день утром я видела маму в последний раз. Она говорила, что я останусь пока с няней, а потом меня отвезут к моим родственникам, маминому брату, которого я никогда не видела, – он жил где-то далеко... Говоря это, мама целовала меня и гладила по головке. Потом она взяла висевший на стенке образок и благословила меня им.

Глава вторая

ДВА ПИСЬМА. ПРИГОТОВЛЕНИЕ К ОТЪЕЗДУ

Какою пустой и неприветливой показалась мне наша до сих пор уютная квартирка, когда мы вернулись с похорон мамы! И солнышко не так ласково смотрело в окна, и Мишка жалобно мяукал, ища свою хозяйку. Печально и грустно было доброе лицо моей няни, старавшейся изо всех сил если не развеселить, то хоть немного успокоить свою маленькую Катю. Но и на ее добрые, старые глаза поминутно наворачивались крупные слезинки, которые она старалась скрыть от меня. Мы обе живо чувствовали отсутствие дорогой, милой мамы...

Вернувшись с кладбища, няня приготовила мне завтрак, но я, конечно, ничего не могла есть: от горя кусок не шел мне в горло. Затем целый день няня все хлопотала по устройству наших дел: надо было продать мебель, кое-что закупить на дорогу. Она хотела покончить все это сегодня же, чтобы как можно скорее отправиться к дяде, у которого я должна была поселиться после смерти мамы.

Поздно вечером, когда мы, уставшие за целый день хлопот, сидели за самоваром, вдруг раздался звонок. Няня побежала открывать дверь и через минуту вернулась, неся в руках два письма. Одно – было от дяди, другое из няниной деревни. Дядя писал, что он вернется только через три недели и что до тех пор я должна пока остаться с няней. В другом же письме мать няниного мужа звала нас заехать к ним погостить по дороге к дяде... Она писала, кроме того, что няня нужна в деревне как работница, так как приближались полевые работы.

– Ну, что же, едем, Катенька, ко мне в деревню? – спросила няня по прочтении мне обоих писем.

– Едем, нянечка, – согласилась я и тяжело вздохнула.

Я так мечтала еще при жизни мамы пожить в деревне всем троим вместе! Теперь без нее это так давножданное удовольствие мало обрадовало меня.

На другой день и няня, и я встали очень рано.

После чаю няня сейчас же принялась укладывать и свои, и мои вещи, чтобы подготовиться к отъезду.

– Как, Катя, укладывать Лилины башмаки или нет? – кричала она мне из гостиной, откуда унесли уже проданную мебель.

Башмаки Лили (так звали мою куклу) были совсем старенькие, но их покупала покойная мама и мне не хотелось оставлять их.

– Уложи их, нянечка, – попросила я, старательно завязывая галстук на толстой шее моей любимой и единственной куклы. Все мои игрушки должны поместиться в детском сундучке. Места в нем было немного. Некоторые игрушки пришлось подарить Паше, дворниковой девочке.

Я ходила по опустелым комнатам, заглядывала в кухню, кладовую, во все уголки нашей маленькой квартирке, прощаясь с нею. Мишка не отставал от меня и все время мяукал.

– Что это, какой он беспокойный, нянечка? – спросила я, видя тревогу старого кота.

– Скучает он, Катенька, чует его сердце, что мы расстаемся с нашим гнездышком, – вот и плачет. Кошки ведь к месту больше, чем к людям, привыкают.

Наш отъезд был отложен до субботы. Нужно было продать еще некоторые непроданные вещи, которых нельзя было взять с собою; нужно было также еще кое-что прикупить, запастись съестным в дорогу. Нянина деревня была в Курской губернии, и путь туда был не короткий.

Пока шли сборы, я сидела на моем любимом подоконнике, где, бывало, поджидала маму. Из кухни несся запах жарившихся на дорогу пирожков.

Мне было жаль оставлять квартирку, в которой я провела много славных, счастливых деньков.

Глава третья

ОТЪЕЗД. ДОРОГА. СЛУЧАЙНОЕ ЗНАКОМСТВО

Наступила суббота. Все было уложено и запаковано. Мы съездили с няней на кладбище, отслужили панихиду по маме и вернулись домой закусить перед поездом и захватить вещи...

Но тут случилось одно неприятное происшествие. Мишка никак не хотел влезать в приготовленную для него корзинку. Сколько раз няня ловила его и сажала туда, но как только хотела закрыть крышку, капризный кот выскакивал из нее и его приходилось ловить по всем комнатам.

Наконец, его засадили в корзинку, захлопнули крышку, несмотря на его отчаянное мяуканье, и поехали на вокзал.

Я редко бывала в толпе. Мама не гуляла со мною по людным улицам, и потому шум и возня на железной дороге очень испугали меня. Я держалась за юбку няни, как самая маленькая девочка, прижимая к груди Лили, смотревшую спокойно на все своими стеклянными глазами.

Билеты куплены, носильщик отнес наши вещи в багаж и усадил нас в вагон, где было темно, как ночью.

Раздался первый звонок, за ним, немного погодя, второй, затем третий. Няня велела мне перекреститься и долго крестилась сама на соседнюю с вокзалом церковь. Пронзительный свисток – и поезд тронулся. Мишка заметался и замяукал в своей корзинке, поставленной под лавку, но и он скоро успокоился.

Передо мной мелькали деревья, дома, телеги и люди... Я не отходила от окна ни на минуту. Няня разговорилась с нашей соседкой по скамейке и была очень довольна, что нашла себе товарку по пути.

Мы ехали мимо каких-то деревушек с маленькими темными избушками. Снег еще лежал на полях, хотя солнышко грело по-весеннему.

Поезд шел очень скоро... и как только встречался с другим поездом, издавал пронзительный свисток.

– Катенька, не хочешь ли покушать? – спросила заботливо няня, наклоняясь ко мне.

Есть мне еще не хотелось, но я вспомнила, как хорошо пахли жареные пирожки и курочка, изготовленные накануне няней, и мне захотелось попробовать и того и другого. Няня поставила передо мной корзинку с провизией, и я с аппетитом поела вкусной стряпни старушки, покормила высунувшегося из корзинки неугомонного Мишку и снова заняла мое место у окна.

Начало смеркаться. Няня принялась устраиваться на ночлег. Вынула из дорожного мешка подушки и одеяла и, подложив вместо тюфяка под меня свое пальто, устроила мне очень удобную постельку. Я не скоро уснула. Положив около себя Лили, я ей еще долго рассказывала шепотом о том, куда мы идем, где нянина деревня, сколько там есть яблок и ягод, коров и барашков.

– Катенька, ты спишь? – раздался надо мной голос няни. – Дай-ка я тебя перекрещу за маму, моя сироточка! – ласково добавила она и долго крестила меня, шепча молитвы.

– Мы ведь не скоро еще приедем в Москву, нянечка? – спросила я, уже засыпая.

– Еще не скоро, милушка, выспаться успеешь, – ласково успокоила меня няня и стала сама укладываться на другой скамейке.

Солнышко светило вовсю, когда я проснулась. Вдали белели церкви с золотыми куполами.

– Мы к Москве подъезжаем, – сказала няня, – и там пересядем на другой поезд.

В вагоне поднялась суматоха. Все бросились укладывать и собирать вещи. Я выспалась отлично и с любопытством рассматривала незнакомый город. Поезд подошел к платформе. Няня позвала носильщика и велела ему нанять извозчика на Курский вокзал. На новом вокзале было еще шумнее, чем на вчерашнем. Мы нашли себе место около молодой женщины, ехавшей со своей семилетней

племянницей.

Девочку звали Дуней. Я ей показала Лили и Мишку и угостила пирожками и карамельками, купленными мне на вокзале няней. Мы подружились с ней очень скоро. Девочка рассказала мне, что тетка везет ее домой в деревню, а что гостила она у мамы в Москве.

– Моя мама живет в услужении, она горничная в генеральском доме, – важно сказала маленькая Дуня. – А твоя мама где?

– Моя мама у боженьки! – тихо сказала я.

– Значит, ты сиротка? – спросила Дуня.

Я чуть не заплакала.

– Боженька любит сироток! – проговорила моя новая знакомка и, отломив большую половину медовой коврижки, купленной ей теткой, протянула мне.

Глава четвертая

НА ЛОШАДЯХ. НОЧНЫЕ СТРАХИ

Весь день мы проболтали с Дуней у окошечка и легли спать рядом на длинной скамейке. Среди ночи няня осторожно разбудила меня, говоря, что мы приехали.

Я крепко расцеловалась с моей новой знакомой, и мы вышли из вагона.

Вокзал был слабо освещен. Мы еле выбрались с няней из толпы и стали отыскивать какую-нибудь телегу, чтобы доехать до няниной деревни. В маленьком городишке, где мы вышли, не было других экипажей, а если бы и были, то взяли бы очень дорого за езду. Но и телеги не было на станции ни одной. Няня уже готова была переночевать в гостинице, как вдруг ее окликнул чей-то голос.

Мы обернулись. Перед нами стоял маленький, седенький старичок.

– Ах, Кузьмич, здравствуй, – обрадовалась няня.

– Здравствуй, здравствуй, Грунюшка! Меня за тобой и прислали, как, значит, получили писульку-то, так меня твоя мать и подрядила ехать за вами.

– А, значит, письмо дошло?

– Вчерась еще принесли... Давай вещи-то, родимый, – крикнул мужичок носильщику и, взяв от него багаж, положил его в телегу, стоящую у станции.

Потом он подложил сена под сиденье и помог нам взобраться.

– Это сосед наш, Катенька, – пояснила мне няня, когда телега загрохотала по улицам городишка.

Мне очень хотелось спать, и я легла на дно телеги. Няня прикрыла меня большим платком, но уснуть я не могла, так как слишком сильно трясло на мостовой. Мужичок повернулся к нам и, поминутно подгоняя лошадку, рассказывал няне о их деревенском житье-бытье.

Пока мы ехали по городу, я не чувствовала ничего, кроме желания спать, но вот мы выехали в поле, а потом в лес, где меня охватило чувство страха... Я смотрела на большие деревья, которые размахивали ветвями, точно громадными, длинными руками; тень от них ложилась темными пятнами на дорогу. Мне было очень жутко. Я вспомнила мамину сказку, где в таком же лесу маленький мальчик, ехавший с отцом, видел лесного царя и его страшных дочерей.

– Тебе холодно, Катенька? – заботливо осведомилась няня, видя, что я все время озираюсь по сторонам.

– Нет, нянечка, мне страшно! – призналась я.

– Страшно? – удивился Кузьмич. – Что ты, барышня! У нас тут тихо, в добрый час сказать! Я не раз в лесу этом был и даже волка не встретил.

Слова доброго мужика успокоили меня, и всю остальную дорогу я проспала крепким сном.

Глава пятая

НОВЫЕ МЕСТА – НОВЫЕ ЛИЦА

Я проснулась от толчка... Телега остановилась у крылечка небольшой избы, стоявшей посреди огорода... Няня целовалась с какою-то старухой и держала за руку маленького белобрысого мальчугана – моего ровесника.

– Катенька, Катенька, – обернулась она ко мне. – Кузьмич, сними барышню с телеги.

И мой новый знакомый осторожно поставил меня на землю.

– Здравствуй, барышня! – сказала мне старуха и погладила меня по головке своей грубой, мозолистой рукой.

– А вот и мой Ванюшка! – радостно сказала няня, подталкивая ко мне толстого карапузика в красной рубашке.

– Ванюшка, здоровайся с барышней, – приказала она сынишке.

Мальчик смотрел на меня букой.

Я протянула ему руку, но он не двигался. У него была грязная рожица, расквашенный нос и белая, как лен, головенка.

– А где же Василий, Федор и Маша? – спросила няня у своей старухи-матери.

– На поле, родная! Пашут... К полдню вернутся... Ну, пойдём-кась в горницу... Устали, чай?

И старуха повела нас с няней в избу. Я с удивлением рассматривала большую комнату с лавками по стенам, с киотой, полной образов, в углу, со столом и большой печью.

Я никогда не была в избе, и все здесь меня удивляло. Комната была огорожена ситцевой занавеской, а наверху были какие-то странные палки.

Няня сказала мне, что это палаты, где спать.

Мне стало очень скучно... Жаль было старой милой квартирki. Здесь все было такое чужое, незнакомое...

Мать мужа няни – совсем седая старуха – показалась мне очень строгой... Она недружелюбно поглядывала на меня и, наконец, спросила:

– А когда же ты, Грунюшка, повезешь барышню к ихним родным?

– Как только придет письмо оттуда, – ответила няня, – мы и тронемся.

В двенадцать часов старуха стала собирать обед, говоря, что скоро вернутся с поля муж моей няни, ее брат Федор с женой Марьей. Я тем временем освободила бедного Мишку из корзинки. Он выпрыгнул, встряхнулся и презабавно стал оглядываться, не узнавая нового места.

– Да ты никак с кошкой еще? – не совсем любезно проговорила нянина свекровь.

– Нельзя было оставить, Катенькин любимчик ведь это! – не спуская с рук своего сынишки, оправдывалась.

– Что ж, экую невидаль и к дяденьке потащите? – спросила меня старуха.

Я ничего не ответила. Я начинала ее бояться.

Наконец, к обеду явились муж няни, загорелый мужик с черной бородой, и ее брат Федор с женой.

Все они очень обрадовались ей, громко разговаривали, смеялись, шутили со мной и рассматривали меня, как невиданного зверька.

Мне было очень грустно. Когда няня придвинула ко мне тарелку со щами (они все ели из общей миски), из глаз моих полились слезы.

– Что ты, Катенька, голубушка? – беспокоилась няня, обнимая меня и целуя.

– По маменьке, знать, затосковала, сердешная, – печально улыбнулась Марья, и сразу ее ласка облегчила мое горе.

«Она добрая», – подумала я и крепко прижалась к моей няне.

Около меня сел молчаливый Ванюшка, нянин сынок, и все время не сводил с меня своих любопытных глаз. После обеда, состоявшего из щей и каши, все разошлись на работу. Няня помогла свекрови мыть посуду, и мне дали полотенце перетирать деревянные ложки и ножи.

В этот вечер, ложась спать на новом месте на одной постели с няней, я долго и горячо молилась за упокой души моей дорогой мамочки.

Глава шестая

НОВАЯ ЖИЗНЬ. ВРАГИ

Я уже неделю жила в няниной деревне и понемногу начинала привыкать к новой жизни.

Нянина семья полюбила меня, называла меня Катенькой, а не барышней, Ванюшка не дичился меня, а устроил для моей Лили колыбельку из щепочек. Марья, приходя с поля, не раз приносила мне то ландыш, то подснежник.

Одна старая Ирина – свекровь няни – никак не могла, казалось, привыкнуть ни ко мне, ни к моему Мишке. С моим приездом она уступила мне свою широкую

постель, где спала за ситцевой занавеской с Ванюшкой, и это ей не понравилось. От грубой деревенской пищи я было разболелась и меня возили к доктору в соседний город.

- Ишь, белоручка, - ворчала старуха, - ну, да ладно, привыкнешь, не велика птица.

И я понемногу привыкла. Правда, я постоянно думала и плакала о маме, долго беседовала с Лили о том, как нам будет тяжело жить у чужих, но все-таки я мало-помалу освоилась с семьей няни и помогала чем могла в хозяйстве: мела горницу, собирала на стол, мыла горшки и посуду и даже научилась ставить самовар.

- Ай да Катенька - молодец! - хвалила меня няня, и я вся сияла от этих похвал.

Мне не хотелось быть белоручкой - и вот однажды я, когда не было няни, сняла сапоги и чулки и стала пробовать ходить босиком по двору.

- Что ты, Катя? - удивился Ванюшка и захохотал во все горло.

- Хочу привыкать ходить по-деревенски, - важно ответила я.

Мелкие камешки и сучья впивались мне в ноги и больно царапали пальцы. Кое-где даже выступили капельки крови.

А Ванюшка все хохотал надо мною, пока не вернулась няня.

- Катенька, что же это ты такое затеяла? - вскрикнула она и, схватив меня на руки, побежала со мною в избу обмывать мои бедные исцарапанные ноги.

После этого я уже не пробовала ходить, как все деревенские ребяташки. Мне было далеко до них, как я ни старалась привыкнуть к их жизни. Жизнь в няниной деревне мне начинала нравиться, и скоро я бы окончательно полюбила ее, если бы не мои враги... Старая Ирина все сердитее и сердитее смотрела на меня. Но, кроме нее, у меня были еще два врага.

Не знаю, за что, большая рыжая корова невзлюбила меня и не раз грозно смотрела на меня, потрясая своими страшными рогами. Каждый вечер, возвращаясь с поля в стаде, Буренка, завидя меня на крылечке, бросалась в мою сторону, страшно тряся головой.

Пастух щелкал кнутом, кричал громким голосом: «Куда, куда пошла!» Но это не помогало нисколько, и злая корова продолжала идти на меня... Я в ужасе вскакивала с крылечка и бежала в избу под защиту няни, пока Буренку не загоняли в хлев.

Не любил меня и старый мохнатый дворовый пес Жучка... Как-то раз Мишка вздумал близко подойти к его конуре. Жучка окрысился на него, и от Мишки ничего бы не осталось, если бы я не схватила его на руки и не побежала с ним от злой собачонки. С этого времени Жучка не мог пропустить меня без ворчания мимо своей будки.

Но если у меня были враги, то были и друзья. Куры и цыплята очень любили меня и бросались ко мне со всех ног, лишь только я появлялась на крылечке с чашкой или тарелкой пшена.

– Цып, цып, цып! – звала я моих птичек и бросала им корм с крылечка.

У меня была любимая курочка Смолянка – вся черная, с белым хохолком на голове.

Так я жила в няниной деревне в ожидании письма от родных, в котором они бы написали мне, как и когда мне выехать в дорогу.

Глава седьмая

ЗА ЯГОДАМИ

– Катя, а Катя, пойдешь, што ль, с нами? – спросил меня Ваня, проходя мимо огорода с целой толпой крестьянских ребятишек.

Я сидела между грядками и рвала траву, желая приготовить из нее салат моей Лили.

– А вы куда? – осведомилась я.

– В лес. Ягоды поспели!.. – крикнул на ходу мальчик, и дети веселой гурьбой направились к лесу.

Я сбегала в избу, надела на голову платочек, подаренный мне няней, и побежала догонять их, волоча за руку мою спутницу – Лили.

– Барышня бежит, барышня! – завидя меня, крикнули ребяташки и остановились подождать меня.

Лес был большой и темный, но ребяташки не боялись ходить туда; они знали каждый кустик, каждое деревце. Ванюша был в лесу как дома.

– Ты, Катя, ступай сюда, а я пойду туда, – сказал он, – а то на нас двоих ягод маленько будет.

Мы разошлись в разные стороны и стали громко перекликаться.

– Ау, барышня!

– Ау-у-у, Федюшка!

– Ау, Ва-а-ня! – неслоь по лесу.

Мы все быстро перебежали с места на место, отыскивая в траве красные ягодки земляники.

Я уже набрала много ягод в мою маленькую корзиночку и теперь собирала ягоды прямо в рот. Они были такие сладкие, вкусные! Впереди их было так много: под каждым кустиком кивала красная головка.

Я шла все дальше и дальше в лес, забыв о моих маленьких спутниках. Голоса их звучали где-то далеко, и скоро совсем их не стало слышно. Я зашла в чащу и увидела ручеек. На берегу ручья росло несколько спелых и крупных ягодок земляники. Я сорвала их и, присев на бережку, с удовольствием принялась их есть.

Вдруг раздался отдаленный удар грома. Я быстро вскочила на ноги. Небо было темное и покрыто тучами. Мне стало страшно. «Сейчас начнется гроза, и я не успею добежать до опушки», – мелькнуло в моей голове. К тому же в лесу стало совсем темно и не слышалось больше детских голосов.

– Ваня, ау! – крикнула я что было силы.

Но никто не ответил мне.

Тогда я поспешила назад к опушке и шла быстро-быстро, забыв даже на траве у ручья корзиночку с ягодами и мою бедную Лили.

Но чем дальше я шла, тем кусты и деревья росли гуще и чаще... Должно быть, я сбилась с дороги.

Глава восьмая

ЛЕСНЫЕ ФЕИ И ЗЛОЙ КОЛДУН

«Господи! – подумала я. – Что мне делать, как выйти из этого леса?»

А в лесу стало еще темнее... Я собрала все мои силы и пошла наугад.

Деревья по-прежнему росли часто, и местами мне казалось, что я попала в какой-то заколдованный круг, из которого мне никак не выйти.

Мне вспомнились нянины сказки о лесных феях и злом колдуне, и это еще больше встревожило меня.

Наконец, ноги мои так устали, что я не могла идти дальше.

«Заблудилась!» – с ужасом подумала я и, присев на большую, покрытую мхом кочку, горько-горько заплакала.

Я плакала долго-долго, пока голова моя не отяжелела и я не припала головой на мягкую кочку.

Не помню, сколько времени я пролежала так на моей новой, зеленой постельке... Меня вдруг привлек легкий шум в ближнем кусту. Я подняла голову и... чуть не вскрикнула. Из куста выходила маленькая нарядная девочка с блестящими крылышками и коронкой на голове. Она кивала мне головой и, улыбаясь, подходила ко мне.

– Я лесная фея, – говорила она звенящим голоском. – А вот и мои подружки, такие же феи.

Изо всех кустов являлись крылатые маленькие девочки и окружали меня.

– Мы маленькие феи! Здравствуй, милая девочка! – говорили они звонкими голосками. – Иди играть с нами. Мы выучим тебя летать по воздуху... Ведь мы тоже не умели летать, пока были простыми маленькими девочками и не заблудились в лесу, как ты.

– И вы теперь живете здесь? – спросила я, перестав бояться моих новых подруг.

– Да, мы теперь лесные феи, – ответила мне первая фея, – и нам хорошо здесь... Одно у нас горе... В этом лесу есть злой колдун, который гоняется за нами, чтобы нас съесть, но колдун только путает нас, но никогда не поймает, так как мы можем летать в воздухе.

– Никогда! Никогда! Никогда! – зазвенели голоса маленьких фей, и с веселым смехом они поднялись на воздух в веселой пляске.

– Колдун! Колдун! – вдруг неожиданно вскричала первая фея и все они мигом поднялись еще выше... Я обернулась назад и обмерла от страха. Прямо ко мне навстречу шагал страшный великан с длинной зеленой бородой, громадного

роста.

Я вскрикнула, вскочила и бросилась бежать со всех ног. Но страшилище не отставало... Вот-вот, думалось мне, он сейчас схватит меня своими длинными руками.

Мне уже слышались за моей спиной его тяжелое сопенье и злорадный хохот.

– Лучше всего упасть! – мелькнуло в моей голове, я с размаху бросилась на траву и... и проснулась.

Глава девятая

ЗЛОЙ КОЛДУН ОКАЗЫВАЕТСЯ ДОБРЫМ ВОЛШЕБНИКОМ

– Вставай, дитяtko, вставай, бедная! Умаялась, – говорил мне чей-то ласковый голос.

Я открыла глаза и увидела старого, седого, высокого мужичка с длинной белой бородою...

«Колдун!» – подумала я и уже готова была снова вскочить и бежать без оглядки, но старик, видя, как я дрожала от страха, поспешил успокоить меня.

– Не бойся, ягодка! Ишь, ведь испужалась, сердешная! Заблудилась чай?

– Кто вы? – спросила я, немного успокаиваясь.

– Я дед Сысой, лесной сторож! А ты за кого же меня приняла, барышня?

Мне было стыдно признаться, что я приняла лесного сторожа за колдуна, и я ничего не ответила.

Дедушка Сысой расспросил меня, как я попала в лес и откуда. Я рассказала ему все и просила поскорее проводить в деревню, чтобы успокоить няню.

– Да знаешь ли, барышня, что твоя деревня-то ой-ой как далеко, – покачал головой Сысой, – и теперь ты не сможешь дойти. Переночуй-кась у меня в избушке, а завтра я тебя отведу с богом.

Нечего было делать – пришлось ночевать в лесу в маленькой сторожке деда Сысои. До его жилья было очень близко. Избушка была скрыта деревьями, и лишь по огоньку, мелькавшему в окошке, мы нашли ее.

Комнатка показалась мне крошечной, но я так устала и измучилась, что рада была хоть такому жилью.

Дедушка Сысой налил в глиняную чашку горячих щей и, отрезав два больших ломтя черного хлеба, позвал меня ужинать. Черный хлеб и горячие щи очень понравились мне. Я порядочно проголодалась и поела с большим аппетитом. Помолясь богу, Сысой устроил мне на лавке постель из своего кафтана и одеяла, а сам полез на лежанку.

Я долго не могла уснуть, поминутно пугаясь крика совы и других лесных звуков, но, наконец, уснула мирным и сладким сном.

Утром, с восходом солнца, старик разбудил меня, и мы тотчас же пустились в дорогу.

Чем ближе подходила я к деревне, тем больше волновалась за няню. Бедняжка, верно, все слезы выплакала, когда узнала о пропаже своей маленькой Кати. Уже у самой опушки леса встретили мы Василия и Федора, искавших меня целую ночь. Они и не подозревали, что я могла уйти так далеко и ночевать у Сысои, жившего чуть не за 10 верст от опушки. Добрые люди очень обрадовались мне. Няня, оказывается, страшно плакала и не спала целую ночь.

– И Ванюшке досталось, что недоглядел, – рассказывали они.

Няня издали увидела меня и, смеясь и плача, бросилась со всех ног навстречу...

– Уж больше ни на шаг не отпущу, Катенька: ахти, грех какой! – говорила она, покрывая мое лицо и руки поцелуями.

Все обрадовались мне. Мишка бросился ко мне и стал ластиться у моих ног. Ирина и та взглянула ласковее... А Марья дала мне припрятанный ею для меня паточный леденец. Все благодарили Сысою и угощали его в избе, чем бог послал. Тут только я вспомнила, что чего-то мне не хватает.

Боже мой. Лили! Моя бедная Лили осталась у ручья в лесу – сторожить мою корзиночку с земляникой.

– Что с тобой, Катенька, о чем ты? – спросила няня, видя, что я собираюсь плакать.

– Ах, няня, няня, я забыла в лесу мою Лили!

– Это куклу-то! – засмеялись мужички. – Ну, бог с ней, пусть останется у дедушки Сысоя погостить на вольном воздухе.

Они шутили, не подозревая, как мне жаль моей Лили. Ее мне подарила мама.

Глава десятая

КАК Я СТАЛА УЧИТЕЛЬНИЦЕЙ. НА СЕНОКОСЕ

Прошла неделя с моего приключения в лесу. Как-то утром няня принесла мне письмо, полученное от дяди. Дядя ждал меня к себе и очень радовался, что у его дочери Лизочки будет новая подруга.

«Я думаю, что ты. Катя, очень похожа на свою маму, с которой мы были так дружны! Приезжай скорее, мы все ждем тебя».

Так заканчивалось письмо дяди.

– Едем, едем, нянечка! – запрыгала я от радости вокруг моей дорогой няни.

– Поедем-то мы поедем, Катенька, да только не сейчас; вот сенокосы подходят, и матушка просит меня остаться помочь им в уборке сена. А там и наш праздник храмовой поспеет и надо будет сходить на богомолье в город, там и ярмарка три дня бывает! – пояснила мне няня.

Я никогда не была на ярмарке и потому даже обрадовалась остаться. Мне даже немного жалко было расстаться с деревней, где я успела привыкнуть к Марье, Смолянке, огороду и белокрысому Ванюше.

Дяди, тети и кузины Лизочки я еще не знала, а здесь мне все было знакомо: вот почему я и не огорчилась особенно отложенным отъездом.

Одно меня печалило: постоянное ворчание Ирины... Я заметила, что строптивая старуха очень любит своего маленького внука и неохотно отпускает его от себя даже в школу.

– Балуются они там только, а он азы твердит... – ворчала она не раз, отправляя Ваню в школу.

У меня между игрушками была припрятана моя старая азбука, по которой мамочка учила меня читать.

Как-то вечером я показала ее Ванюше. Он увидел хорошенькую книжку с картинками и сказал, что по такой-то легче учиться, нежели в школе.

– Хочешь, я тебя выучу? – предложила я мальчику.

– Ты-то? – недоверчиво покачал он головою. – Ты разве учительница?

– А ты попробуй!

Усадив его в огороде между грядками капусты, я стала водить пальцем по странице и называть ему буквы. Буквы Ваня еще выучил в школе, и мне оставалось самое трудное – выучить его складам.

Склады подвигались медленнее, Ваня старался до поту и скоро сложил слова: баба, мама и вода.

Мы уже принялись за слово изба, как вдруг послышалось мычание возвратившегося стада, и злая Буренка заглядывала за плетень огорода.

– Ну, на сегодня довольно, а завтра будем еще учиться, – сказала я и, чтобы подбодрить моего ученика, прибавила: – Когда ты выучишься читать – я подарю тебе эту книжку.

Ванюшка так обрадовался моему обещанию, что сам торопил меня садиться за книжку. Ирина очень довольна была нашими занятиями и смотрела на меня гораздо ласковее.

– Не балует парнишка! С ребятами не дерется, и то хорошо! – говорила она и даже погладила меня как-то по головке.

Между тем наступили сенокосы. Мы с Ваней с утра побежали в поле, где уже работали «старшие». Я едва узнала няню в сарафане и платочке.

– Нянечка, какая ты смешная! – крикнула я ей еще издали. – Зачем ты так оделась?

– Жарко, Катенька, да и в городском платье косить неудобно.

Я села на скошенное место и смотрела, как красиво ложилась высокая, зеленая трава под косами работников. Они косили без отдыха, изредка только кто-нибудь из баб подходил покормить и покачать ребенка, спавшего тут же на сене, или испить квасу, принесенного ребяташками из деревни.

– Катя, Катя, беги сюда, беги скорее, – кричала мне няня, отошедшая довольно далеко.

Я вскочила с травы и кинулась к ней взапуски с Ванюшей.

Глава одиннадцатая

НЯНИНА НАХОДКА

– Тише, дети, тише, не растопчите! – останавливала нас няня, закрывая от нас собою что-то лежащее в траве.

– Что это там, нянечка? – сгорала я от любопытства.

– Да это птенчики! – вдруг весело вскричал Ванюша, успев заглянуть через руку матери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/lidiya-charskaya/zapiski-sirotki>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)